

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-323-336

Л.В. Захарова

О МЕЖДУНАРОДНОМ ЗНАЧЕНИИ КИТАЙСКОГО ОПЫТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ: ПРИМЕНИМОСТЬ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ¹

Аннотация. Официально в Северной Корее все еще существует социалистическая плановая экономика, в которой средства производства принадлежат государству и общественным организациям. Однако процессы «маркетизации снизу», происходящие в стране с 1990-х годов, и отдельные меры по децентрализации управления экономикой, предпринимаемые «сверху», актуализируют вопрос о перспективах развития экономической системы КНДР в контексте опыта других бывших социалистических стран.

В статье рассматриваются сходства и различия между направлениями экономических реформ в КНР при Дэн Сяопине в конце 1970-х—конце 1980-х годов и изменениями в системе экономического управления в КНДР при Ким Чен Ыне.

В 2012—2014 гг. в Северной Корее был внедрен комплекс мер по увеличению самостоятельности хозяйствующих субъектов и воз-

---

¹ Автор благодарит Вячеслава Всеволодовича Карлусова, профессора кафедры мировой экономики МГИМО МИД России за ценные комментарии к первому варианту данной статьи.

возможностей для материального стимулирования, включающих переход на более мелкие производственные звенья в сельском хозяйстве и расширение хозяйственных прав предприятий в рамках «социалистической системы ответственности за управление предприятиями». Результаты этих мер фактически поставили рынок на место «полезного дополнения» к плану, как это было в КНР на первом этапе реформ. При этом Китай уже на начальной стадии преобразований пошел на законодательное признание частного хозяйства, ограниченно использующего наемный труд. А Северная Корея пока не спешит двигаться в этом направлении, осуждая идеи развития многоукладности и диверсификации форм собственности. Кроме того, в северокорейской ситуации весьма ограничены возможности использования элемента «открытости» из китайской модели реформ, несмотря на отдельные попытки руководства страны привлечь инвестиции в СЭЗ. Действующие международные санкции фактически отрезали КНДР от мировой финансовой системы и существенно ограничили возможности внешней торговли.

Автором сделан вывод о том, что КНДР находится на начальном этапе перехода от командно-административной экономики к рыночной, однако это камуфлируется официальной риторикой и имеет свою специфику. Нарастающее глобальное противостояние США и Китая, стимулирующее Пекин к продолжению экономической поддержки Пхеньяна, может позволить руководству КНДР отложить проведение экономических преобразований, позволяя и дальше балансировать на тонкой грани «недореформ» в условиях враждебной внешней обстановки.

Ключевые слова: КНДР, Северная Корея, экономика, экономические реформы, китайский опыт реформ, Ким Чен Ын.

Автор: Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, ученый секретарь ИДВ РАН, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН.

ORCID: 0000-0001-6164-3518. E-mail: zakharova@ifes-ras.ru

L.V. Zakharova

International Significance of the Chinese Experience of Economic Reforms: Applicability for Contemporary North Korea

Abstract. North Korea still has a socialist planned economy in which the means of production are owned by the state and collective organizations. However, “marketization from below” has been taking place in the

country since the 1990s, and the authorities have introduced individual measures to decentralize economic management. These processes make it relevant to look into the prospects of the DPRK's economic system in the context of the experience of other former socialist countries.

The article examines similarities and differences between directions of economic reforms in the PRC under Deng Xiaoping in the late 1970s — late 1980s and changes in the economic management system of the DPRK under Kim Jong-un. In 2012—2014, North Korea introduced a set of measures to increase the independence of economic units and provide opportunities for material incentives. They included a transition to smaller production units in agriculture and an expansion of management and production rights of enterprises. The results of these measures actually put the market in place of a “useful addition” to planning, as it was in the PRC at the first stage of reforms. China went to legally recognize a private economy at the initial stage of transformation. However, North Korea is still far from moving in that direction and keeps condemning diversification of forms of ownership in a socialist state. In addition, the possibility of using the element of “openness” from the Chinese reform model is significantly limited in the North Korean case, despite individual attempts by the country's leadership to attract investment in special economic zones. The unresolved nuclear issue and the current international sanctions have effectively cut off the DPRK from the world financial system and significantly limited the scope of foreign trade.

The article concludes that the DPRK is at the initial stage of transition from the command economy to the market one, but this is camouflaged by official rhetoric. Moreover, the growing global confrontation between the United States and China may stimulate Beijing to continue economic support for Pyongyang. And this support may allow the DPRK leadership to postpone economic reforms and continue balancing on the level of “under-reform” in a hostile external environment.

Keywords: DPRK, North Korea, economy, economic reforms, Chinese reforms model, Kim Jong-un.

Author: Liudmila V. ZAKHAROVA, Ph.D. (Economics), Academic Secretary, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-6164-3518. E-mail: zakharova@ifes-ras.ru

В 2017 г. на XIX съезде Коммунистической партии Китая было объявлено о международной ценности китайского опыта, готовности нести в мир «китайскую мудрость и китайский вариант для ре-

шения проблем человечества» [Виноградов, Рябов, с.82]. КНДР, соседняя страна и союзник Китая, всегда с интересом наблюдала за ходом его экономической трансформации, не торопясь, однако, следовать по пути «реформ и открытости». По сообщению Синьхуа, во время визита в Пекин в начале января 2019 г. северокорейский лидер Ким Чен Ын отметил ценность опыта экономического развития КНР и продемонстрировал готовность его изучать. В свою очередь Си Цзиньпин выразил поддержку в отношении политики КНДР по концентрации усилий на экономическом развитии и улучшении жизни народа [Kim Jong Un, Xi Jinping...]. Учитывая укрепление межгосударственных связей Северной Кореи и Китая на современном этапе [Асмолов] и зависимость Пхеньяна от экономических обменов с КНР, вновь актуализируется вопрос о перспективах использования модели экономической трансформации Поднебесной для современной КНДР.

Де-юре в Северной Корее все еще существует социалистическая плановая экономика, в которой средства производства принадлежат государству и общественным организациям (ст. 19,20,34 Социалистической Конституции КНДР) [Socialist Constitution...]. Однако процессы «маркетизации снизу», происходящие в стране с 1990-х годов, и отдельные меры по децентрализации управления экономикой, предпринимаемые «сверху» (особенно интенсивно после прихода к власти Ким Чен Ына в конце 2011 г.), позволяют зарубежным исследователям называть КНДР «последней переходной экономикой» [Koen V., Veom Jinwoan], ставя при этом знак вопроса, поскольку процесс перехода находится все еще в начальной стадии.

Первый этап экономических реформ в Китае (1978—1991 гг.)

В КНР реформы начались с сельской местности и сопровождались передачей производственной ответственности крестьянским дворам, за которыми закреплялись земельные наделы и устанавливались производственные задания [Островский, с. 12—13]. В условиях подворного подряда крестьянине получили право распоряжаться

ся частью произведенной ими продукции, что заметно повысило производительность труда в китайской деревне и стало основой для появления у крестьян товарной продукции [Островский, с. 450]. Семейный подряд по сути восстановил частное хозяйствование крестьян, базирующееся на аренде земли и частной собственности на остальные производственные фонды. Резкий рост продуктивности сельского хозяйства позволил в 1984 г. в целом решить продовольственную проблему в Китае [Карлусов, с. 90]. В городе реформа началась с создания 4-х свободных экономических зон (СЭЗ) в двух провинциях, имевших наиболее тесные связи с границей. В них предоставлялись льготные условия для ведения внешнеэкономических связей и привлечения иностранного капитала [Островский, с. 13]. Таким образом, изначально «рыночные очаги» в Китае появились в деревне и в СЭЗ.

В 1984 г. ЦК КПК был провозглашен переход к целевой модели «социалистического планового товарного хозяйства», сопровождавшийся сокращением сферы директивного планирования, расширением хозяйственной самостоятельности и прав предприятий в области производства и сбыта продукции, установления цен, оплаты труда и т. п. В результате, в 1980-е годы в стране сформировалась «двухколейная система». Она предполагала параллельное существование ареалов и механизмов командно-административного и рыночного регулирования в планировании, ценообразовании, кредитовании и т. д. [Постсоциалистический мир..., с.18]. Целью руководства КНР было повышение жизнеспособности крупных и средних государственных предприятий за счет перевода их на различные формы подрядной ответственности (по аналогии с деревней). Проводились эксперименты по расширению рынка средств производства и товаризации жилья, созданию рынка краткосрочного кредитования, ценных бумаг, совершенствованию системы валютных отчислений, реформе системы инвестиций и внешней торговли и т. д. [Постсоциалистический мир..., с.19]. По мнению В.Я. Портякова, ситуация «полуплановости-полурыночности», порождавшая макроэкономическую нестабильность, крупномасштабную коррупцию и различные формы паразитирования на двухколейности, не могла продолжаться бесконечно долго [Портяков, с. 96]. Решающим шагом пере-

хода к рынку должна была стать реформа цен, объявленная в 1988 г. Однако она привела к высокой инфляции и недовольству населения, вынудив руководство страны замедлить процесс изменений.

Несмотря на все издержки и просчеты, неизбежные в процессе столь масштабных преобразований, реформы 1978—1988 гг. в Китае показали свою результативность в развитии производительных сил страны и повышении уровня жизни населения. За это время ВВП КНР вырос в 3,5 раза (темпы роста — около 9 % в год), а чистые доходы городского и сельского населения увеличились в 4,5 и 5 раз соответственно [Карлусов, с. 91]. При этом по-настоящему переход от административно-командной к рыночной модели экономики в КНР начался только в 1990-е годы, а период с конца 1978 г. до конца 1991 г. можно считать подготовительным [Островский, с. 27].

В 1978—1991 гг. главенство плановых методов хозяйствования сохранялось, а рынку отводилась роль «полезного дополнения» [Постсоциалистический мир..., с. 13]. Важным шагом на пути легализации происходивших на данном этапе изменений стала поправка в Конституцию КНР от 1988 г. о наличии в экономике Китая частных хозяйств, являющихся дополнением к социалистической экономике [Островский, с. 38].

Экономические преобразования в КНДР при Ким Чен Ыне в контексте китайского опыта

В отличие от Китая, где в декабре 1978 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва было принято решение приступить к «серьезной реформе системы экономического управления и методов хозяйствования» [Постсоциалистический мир..., с. 12], в КНДР все санкционируемые властями изменения проводятся в форме «мер по улучшению» системы управления экономикой, а слово «реформа» не употребляется. Таким образом, преобразования происходят *внутри* системы, кардинально не затрагивая ее основ.

Некоторые авторы проводят параллели между китайским опытом экономических реформ при Дэн Сяопине в конце 1970-х—конце 1980-х годов и изменениями в системе экономического управления в

КНДР при Ким Чен Ыне. Например, ученые из Института Седжона (Республика Корея) видят в преобразованиях, которые были начаты в 2010-е годы в сельском хозяйстве и промышленности Северной Кореи, следование по пути «реформ и открытости» [Lee Jong-seok, Choi Eun-ju, p. 25]. Под реформами прежде всего понимается комплекс мер по увеличению самостоятельности хозяйствующих субъектов и возможностей для материального стимулирования, включающих переход на более мелкие производственные звенья в сельском хозяйстве и расширение хозяйственных прав предприятий. Под «открытостью» имеются в виду попытки руководства КНДР расширить внешнеэкономические связи и привлечь иностранные инвестиции в зоны экономического развития, при создании которых активно учитывался китайский опыт [Lee Jong-seok, Choi Eun-ju, p. 42].

«Система ответственности за участок поля» начала вводиться в сельской местности КНДР с 2012 г. и предполагает введение мелкогруппового подряда в рамках сохраняющейся системы сельхозкооперативов. По словам экономистов КНДР¹, конкретные члены кооператива отвечают за обработку конкретных участков колхозной земли, и если там соберут большой урожай, то сверхплановый объем кооператоры могут забирать себе. Несмотря на то, что сами северные корейцы в личной беседе в 2017 г. подчеркивали, что эта система не является «китайской системой аренды», зарубежные исследователи указывали на ее существенное сходство с переходом на семейный подряд в начале реформ в Китае [Gray K., Lee Jong-Woon, p. 61—62]. При этом, если в КНР переход на подворный подряд довольно быстро привел к роспуску народных коммун, то в Северной Корее колхозы сохраняются в качестве основной хозрасчетной единицы.

В промышленности с 2014 г. была введена «социалистическая система ответственности за управление предприятиями». Она была закреплена в поправках к Конституции КНДР в 2019 г. и предполагает расширение прав предприятий в области планирования, производства, установления цен, найма рабочей силы, внешней торговли и т. п., а также позволяет привлекать частные инвестиции в государственные и кооперативные предприятия [Lee Inyeop, p. 120—121].

---

¹ Беседа автора с ними проходила в г. Пхеньян 1 июня 2017 г.

В рамках новой системы в Северной Корее фактически было признано наличие «двойной колее» в ценообразовании, поскольку продукцию, производимую по региональным и государственным планам, предприятия реализуют по фиксированным государственным ценам, а товары, производимые согласно собственным планам предприятия, продаются по договорной цене. При этом в научной литературе КНДР подчеркивается подчиненный характер «товарооборота по договорам заказа» по отношению к обязательному выполнению поставок в рамках централизованной системы планирования, то есть предприятие может заключать договоры заказа только после выполнения плановых показателей. Такой подход напоминает положение о роли рынка как «полезного дополнения» к плану в КНР на первом этапе реформ.

Что касается такого важного аспекта китайской модели модернизации экономики, как «открытость», в КНДР этот термин напрямую никогда не использовался. Тем не менее, при Ким Чен Ёне была предпринята очередная попытка использовать китайский опыт создания СЭЗ. В 2013 г. в КНДР было создано около 20 новых зон экономического развития с целью «развития внешнеэкономического сотрудничества и обменов, развития национальной экономики и повышения уровня жизни населения». Однако добиться существенного притока иностранных инвестиций в новые СЭЗ Северной Кореи не удалось как по внешним (обострение военно-политической обстановки на Корейском полуострове, введение международных санкций СБ ООН в ответ на ракетные и ядерные испытания Пхеньяна), так и по внутренним причинам (недостаток доверия со стороны инвесторов, плохая инфраструктура и т. п.).

Развитие рыночных отношений в условиях переходной экономики КНР проходило неравномерно, с отступлениями, поскольку вспомогательная роль рынка (допущение договорных цен, право госпредприятий оставлять себе часть прибыли, производить и сбывать сверхплановую продукцию, развитие индивидуального сектора экономики и т. п.) обернулась ослаблением позиций централизованного планирования [Постсоциалистический мир, с. 15]. В КНДР подобная ситуация, вероятно, сложилась к 2019 г. и потребовала от властей принятия ответных мер. В отличие от Пекина, нашедшего

свой вариант сочетания плана и рыночных методов регулирования экономики, Пхеньян все еще продолжает во многом опираться на административные рычаги управления. На V пленуме ЦК Трудовой партии Кореи 7-го созыва (декабрь 2019 г.) была поставлена задача активизировать борьбу против антисоциалистических и несоциалистических явлений, и с 2020 г. власти стали предпринимать попытки усилить контроль над негосударственным сектором экономики, включая функционирование рынков и организацию валютного обмена.

«Северокорейская специфика» и китайская модель реформ

Учитывая существенную разницу экономических параметров КНР в конце 1970-х годов и КНДР в начале 2010-х годов, возможности использования китайского опыта у Северной Кореи с самого начала были ограничены. В Китае в 1978 г. доля населения, занятого в сельском хозяйстве, составляла около 70 % [Островский, с. 225]. По данным переписи 2008 г., в аграрном секторе Северной Кореи было занято лишь 36 % экономически активного населения [DPR Korea 2008...], поэтому реформы в деревне КНДР не смогут дать такой же эффект для всей экономики, как это было в Китае. Кроме того, сельское хозяйство Северной Кореи существенно зависит от промышленности, а именно — от удобрений и электроэнергии для ирригации. В связи с этим, как отмечают некоторые западные исследователи, реформы в промышленном секторе прямо влияют на успех трансформации всей экономической системы страны [Haggard, Noland, p. 235]. Однако преобразования в области управления предприятиями в КНДР пока носят косметический характер, несмотря на то, что с начала 2000-х годов в стране существует частный бизнес под вывеской государственных предприятий [Lankov, Andrei; Ward, Peter; Yoo, Ho-yeol; Kim, Ji-young].

А.Н. Ланьков (Университет Кунмин, Республика Корея) назвал северокорейскую модель преобразований в 2012—2017 гг. «реформами без открытости» [Lankov], включив в нее попытки Ким Чен Ына

достичь экономического роста посредством использования рыночных механизмов одновременно с ужесточением государственного контроля над жизнью общества. В указанный период, после которого импульс к реформам стал угасать, власти КНДР так и не пошли на легализацию частного бизнеса. Хотя позиции директивно-планового сектора в северокорейской экономике были потеснены, общественная собственность на средства производства остается краеугольным камнем экономической системы КНДР. А Китай уже на первом этапе реформ пошел на законодательное признание существования в стране частного хозяйства, ограниченно использующего наемный труд. В 1981 г. индивидуальное хозяйство было признано одной из составных частей структуры собственности на средства производства в Китае [Карлусов, с. 22]. Однако Северная Корея пока не спешит двигаться в этом направлении. Более того, идеи развития многоукладности, диверсификации форм собственности, акционирования социалистических предприятий в официальных северокорейских изданиях называют признаками реставрации буржуазных порядков, которую нельзя ни в коем случае допускать.

Мнения ученых о перспективах продолжения Пхеньяном рыночных реформ различаются. Например, профессор Чо Сынмин (Daniel K. Inouye Asia-Pacific Center for Security Studies, США) выделяет внутренние причины в качестве основных препятствий для восприятия Пхеньяном опыта «реформ и открытости» КНР. Исследователь настаивает на том, что Северная Корея не пошла по китайскому пути, поскольку ослабление политического контроля и децентрализация власти, которые были неизбежны в процессе реформ при Дэн Сяопине, могли бы привести к коллапсу нынешней политической системы КНДР. И именно подобные опасения руководства страны не позволяют ему провести эффективные экономические реформы, даже если международные экономические санкции будут ослаблены, а внешняя обстановка станет благоприятной [Cho Sungmin, p. 305]. Другие исследователи, напротив, на примере Китая показывают важность улучшения внешнеполитических условий для успешного проведения в стране экономических реформ и достижения экономического роста [Lee Inyeop, p. 102]. В результате делается вывод о том, что в случае Северной Кореи, находящейся под международны-

ми санкциями и в состоянии военно-политической конфронтации с США, возможность сколь-либо значимых реформ продолжает зависеть от улучшения внешних условий путем нормализации дипломатических отношений с Вашингтоном.

Политические рассуждения часто затмевают экономические реалии и де-факто происходящий в КНДР переход от командно-административной экономики к рыночной. При этом данный переход все еще находится на начальной стадии, распространены элементы директивности, прежде всего для крупных предприятий и стратегически важных отраслей. Де-юре сохраняется общественная собственность на средства производства, сопровождающаяся, однако, феноменом камуфлирования де-факто частной собственности и развития частного предпринимательства. Китай тоже проходил этап подобной «социальной мимикрии» [Карлусов, с. 74—81]. В этом контексте для Северной Кореи может оказаться продуктивным использование идеи разделения прав собственности и прав хозяйствования, сопровождавшее переход к рынку в КНР. Однако в условиях сложной внешнеполитической обстановки главной задачей КНДР является сохранение государственного суверенитета, и скорость дальнейшего движения по пути «улучшения» методов управления экономикой будет во многом зависеть от уверенности руководства страны во внутренней стабильности. При этом нарастающее глобальное противостояние США и Китая, стимулирующее Пекин к продолжению экономической поддержки Пхеньяна, может ослабить необходимость ускорения рискованных экономических реформ для властей КНДР.

Библиографический список

Асмолов К.В. Начало нового этапа китайско-северокорейских отношений (2018—2020 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН. 2020. С. 243—261. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10015.

Виноградов А.В., Рябов А.В. Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 69—86. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.05

Карлусов В.В. Частное предпринимательство в Китае. М.: Вост. лит., 1996. 382 с.

Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой. М.: Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА», 2020. 496 с.

Портяков В.Я. Муравей грызет кость. Избранные очерки о Китае: монография. М.: ИД «ФОРУМ», 2018. 464 с.

Постсоциалистический мир: итоги трансформации / под общ. ред. С.П. Глинкиной: в 3 т. СПб.: Алетейя, 2018. Т.3. Азиатские модели реформирования. Возможности и вызовы для России / отв. ред. Г.Д. Толорая. 184 с.

Cho Sungmin. Why North Korea Could Not Implement the Chinese Style Reform and Opening? The Internal Contradiction Between Economic Reform and Political Stability // Journal of Asian Security and International Affairs. 2020. № 7(3). P. 305—324. DOI: 10.1177/2347797020962625

DPR Korea 2008. Population Census National Report. Central Bureau of Statistics. Pyongyang, DPR Korea, 2009. 273 p.

Gray Kevin, Lee Jong-Woon. Following in China's footsteps? The political economy of North Korean reform // The Pacific Review. 2017. № 30:1. P. 51—73. DOI: 10.1080/09512748.2015.1100666

Haggard Stephan, Noland Marcus. Hard Target: Sanctions, Inducements, and the Case of North Korea. Stanford, California: Stanford University Press, 2017. 321 p.

Kim Jong Un, Xi Jinping held fourth summit on Tuesday, Xinhua confirms // NK News. 10.01.2019. URL: [https://www.nknews.org/2019/01/kim-jong-un-xi-jinping-he-lid-fourth-summit-on-tuesday-xinhua-confkim-/](https://www.nknews.org/2019/01/kim-jong-un-xi-jinping-he-lid-fourth-summit-on-tuesday-xinhua-confkim/) (accessed: 11.01.2019).

Koen Vincent, Beom Jinwoan. North Korea: The last transition economy? OECD Economics Department Working Papers. ECO/WKP (2020)15. No. 1607. DOI: 10.1787/82dee315-en

Lankov Andrei. North Korea under Kim Jong-un: Reforms without Openness? // Foreign Policy Research Institute. 06.06.2018. URL: <https://www.fpri.org/article/2018/06/north-korea-under-kim-jong-un-reforms-without-openness/> (accessed: 05.05.2021).

Lankov Andrei; Ward Peter; Yoo Ho-yeol; Kim Ji-young. Making Money in the State: North Korea's Pseudo-State Enterprises in the Early 2000s // Journal of East Asian Studies. 2017. № 17. P. 51—67. DOI:10.1017/jea.2016.30

Lee Inyeop. Can North Korea Follow China's Path? A Comparative Study of the Nexus Between National Security and Economic Reforms // Pacific Focus. 2019. Vol. XXXIV. No. 1 (April). P. 102—126. DOI: 10.1111/pafo.12135

Lee Jong-seok, Choi Eun-ju. Demystifying the North Korean Economy // Sejong Institute. November 2019. URL: <http://www.sejong.org/board/1/egoread.php?bd=56&itm=&txt=&pg=1&seq=5270> (accessed: 05.05.2021).

Socialist Constitution. URL: http://naenara.com.kp/main/index/en/politics?arg_val=leader3 (accessed: 01.05.2021).

References

Asmolov, K.V. (2020). Nachalo novogo etapa kitaisko-severokoreiskikh otnoshenii (2018—2020 gg.) [The beginning of a new stage in China–North Korea relations (2018—2020)], *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity], iss. XXV (25): 243—261. (In Russian). DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10015.

Vinogradov, A.V.; Ryabov, A.V. (2019). Politicheskie sistemy postsovetских stran i Kitaya v protsesse mezhсистемной трансформации [Political Systems of Post-Soviet States and China in the Process of Inter-System Transformation], *Polis. Political Studies*, no. 3: 69—86. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2019.03.05

Karlusov, V.V. (1996). Chastnoe predprinimatel'stvo v Kitae [Private business in China], Moscow: *Vostochnaya literatura* [Oriental Literature], 382 p. (In Russian).

Ostrovskiy, A.V. (2020). Kitay stanovitsya ekonomicheskoi sverkhderzhavoy [China becomes economic superpower], Moscow: *IFES RAS, Izdatelstvo* [Publishing House] *MBA*. (In Russian).

Portyakov, V.Ya. (2018). Muravey gryzet kost'. Izbrannye ocherki o Kitae [Ants gnawing at a bone. Selected texts of a Russian sinologist], Moscow: *FORUM*, 464 p. (In Russian).

Postsotsialisticheskiy mir: itogi transformatsii [Post-socialist world: results of transformation] (2018) / Glinkina, S.P. (ed.), Volume 3: Aziatskie modeli reformirovaniya. Vozmozhnosti i vyzovi dlya Rossii [Asian models of reforms. Opportunities and challenges for Russia] / Toloraya, G.D. (ed.), Saint-Petersburg: Aleteya PH, 184 p. (In Russian).

Cho, Sungmin (2020). Why North Korea Could Not Implement the Chinese Style Reform and Opening? The Internal Contradiction between Economic Reform and Political Stability, *Journal of Asian Security and International Affairs*, 7(3): 305—324. DOI: 10.1177/2347797020962625

DPR Korea 2008. Population Census National Report (2009). *Central Bureau of Statistics, Pyongyang*, DPR Korea.

Gray Kevin, Lee Jong-Woon (2017). Following in China's footsteps? The political economy of North Korean reform, *The Pacific Review*, 30(1): 51—73. DOI: 10.1080/09512748.2015.1100666

Haggard Stephan, Noland Marcus (2017). Hard Target: Sanctions, Inducements, and the Case of North Korea. *Stanford, California: Stanford University Press*, 321 p.

Kim Jong Un, Xi Jinping held fourth summit on Tuesday, Xinhua confirms, *NK News*. 10.01.2019. URL: <https://www.nknews.org/2019/01/kim-jong-un-xi-jinping-held-fourth-summit-on-tuesday-xinhua-confirms/> (accessed: 11 January, 2019).

Koen, Vincent; Beom Jinwoan (2010). North Korea: The last transition economy? *OECD Economics Department Working Papers* No. 1607. ECO/WKP (2020)15. DOI: 10.1787/82dee315-en

Lankov, Andrei (2018). North Korea under Kim Jong-un: Reforms without Openness?, *Foreign Policy Research Institute*. 06.06.2018. URL: <https://www.fpri.org/article/2018/06/north-korea-under-kim-jong-un-reforms-without-openness/> (accessed: 5 May, 2021).

Lankov, Andrei; Ward, Peter; Yoo, Ho-yeol; Kim, Ji-young (2017). Making Money in the State: North Korea's Pseudo-State Enterprises in the Early 2000s, *Journal of East Asian Studies*, no 17: 51—67. DOI:10.1017/jea.2016.30

Lee Inyeop (2019). Can North Korea Follow China's Path? A Comparative Study of the Nexus Between National Security and Economic Reforms, *Pacific Focus*, vol. XXXIV, no. 1: 102—126. DOI: 10.1111/pafo.12135

Lee Jong-seok, Choi Eun-ju (2019). Demystifying the North Korean Economy, *Sejong Institute*, November. URL: <http://www.sejong.org/board/1/egoread.php?bd=56&itm=&txt=&pg=1&seq=5270> (accessed: 5 May, 2021).

Socialist Constitution. URL: http://naenara.com.kp/main/index/en/politics?arg_val=leader3 (accessed: 1 January, 2021).